

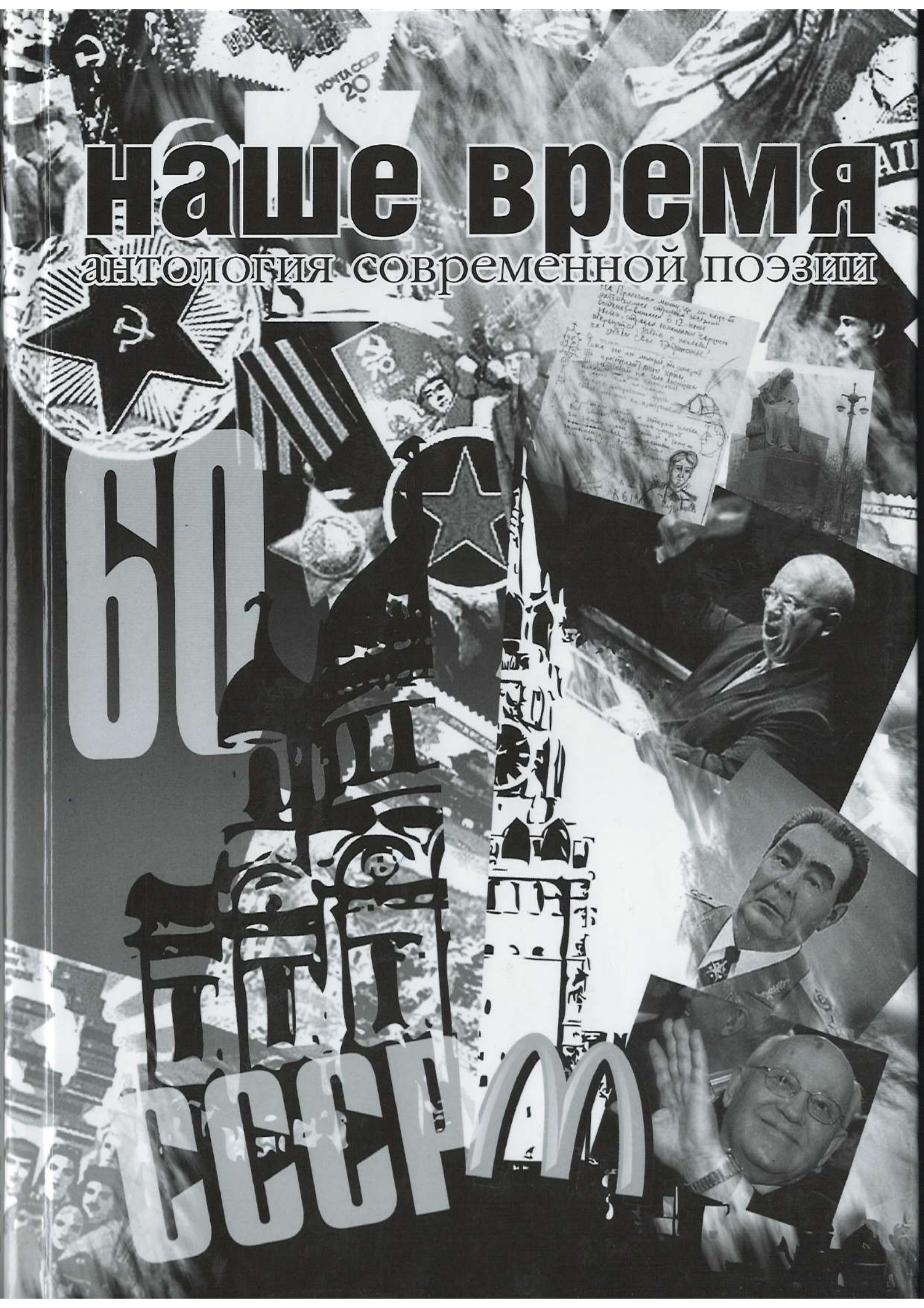
наше время

АНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

60

ЛЕТ

СССР

ФРОЛОВ
Андрей Владимирович
(Орёл)

Родился 22 февраля 1965 года в городе Орле.

Отец всю жизнь работал слесарем, мать – инженер. В 1980 году окончил среднюю школу № 19 города Орла. С 1980 года по 1984 год обучался в Орловском строительном техникуме. Работать по специальности не пришлось, поскольку спустя месяц после получения диплома в апреле 1984 года был призван для прохождения службы в рядах Советской армии. Службу

проходил в бронетанковых войсках Московского военного округа.

С 1986-го по 1991-й работал на заводе (ПО «Промприбор»), а потом до 1994-го – на малых предприятиях Орла. Далее – на заводе «Текмаш» (АО «Орёлтекмаш») в отделе охраны труда.

Именно в период работы на «Текмаше» стал относиться к стихотворчеству серьёзно, чему весьма способствовало знакомство с орловским поэтом Вадимом Ерёминым, а затем и с другими писателями орловщины. В 1997-м участвовал в областном семинаре молодых литераторов, а осенью 1998-го в подобном семинаре в столице. Трудовая деятельность инженера по охране труда в строительной организации ОАО «Промстройэнергомонтаж» (2000–2007 гг.) помехой творчеству не стала. С 2005-го сотрудничаю с редакцией газеты «Орловская правда» в качестве литконсультанта. Соруководитель литературного объединения при Орловской областной писательской организации.

Я не считаю свой творческий путь большим. 11 лет серьёзной работы в литературе: два стихотворных сборника и книга рассказов – наверное, это не так уж много. Но я ничего бы не поменял в прошлом. Это же моё прошлое. И оно, как и настоящее, и будущее – тоже частичка истории. Даже тяжелейшие условия жизни на сломе двух исторических эпох не смогли сбить меня с пути.

Спасибо маме с папой и тем хорошим людям (их было больше, чем плохих), которые встречались на моём пути.

28 июля 2008 г.

Я ВИДЕЛ СВЕТ! Я СЛЫШАЛ ЗВУК!..

ОБЛАКА

Поле ощетинилось стогами.
Коромыслом выгнулась река.
Слепленные детскими руками,
По лазури плыли облака.

Проплывала лошадь,
следом – кошка,
Помахал ушами добрый слон –
Странные, нелепые немножко
Звери заселяли небосклон.

Где-то за далёким перевалом
Будущее будет, а пока
В небо, чтоб оно не пустовало,
Мальчики пускали облака.

1997

ВОРОЖЕЯ

– Ходили слухи: бабка – ведьма,
Мол, ей и сглазить – плюнуть раз.
Давно пора ей помереть бы,
Да ведьмам слухи не указ.

Вот и жила неторопливо,
Мирясь со злобой языков,
И взглядом жгучее крапивы
Стегала души земляков.

Скупя на ласковое слово,
Копной волос белым-бела
И подозрительно здорова...
До той поры, как померла.

С кончиной каверзной старухи
Утихомирилась молва...

14 – 16 марта 2008

А на девятый день округе
Хватать не стало волшебства.

В деревне Коровье Болото
Совсем не осталось коров,
Да и от деревни всего-то –
Двенадцать замшелых дворов.

Воюет старик-долгожитель
С колодезным журавлём:
– Помрёт-то когда же, скажите?
Ведь все же когда-то помрём...

Горбатятся крыши косые,
Хребтами белеют плетни...
Храни, вседержитель, Россию!
И эту деревню храни.

СЛУЧАЙ

...На глупость сетуя свою,
Стоял возница, мокр и зол.
А конь, попавший в полынью,
Не шёл ко дну... Никак не шёл!

Острее бритвы кромка льда
Кромсала выпуклую грудь,
И чёрно-бурая вода
Зияла, как последний путь.

А своеволие реки
Влекло безудержно под лёд.
И говорили мужики:
– Такая сила пропадёт!..

1998

СТРОЙКА

Домишко скромный –
 стена в кирпич
 полгода строил
 старик Кузьмич.
 Село ворчалो:
 не тот, мол, пыл,
 у Кузьмича, мол,
 не хватает сил,
 ровесник века –
 не совладать...
 Кузьмич кумекал,
 где тёс достать.
 Залил фундамент
 и начал класть
 на камень камень,
 перекрестясь.
 Стропила, кровля –
 не на авось.
 Забил к Покрову
 последний гвоздь.
 Приладил двери
 и вытер пот:
 – Ну, кто не верил?
 Смотрите – вот.
 Присел в сторонке
 и вдруг... чихнул.
 Как о приёмке
 акт подмахнул.

ПИРОГИ

В доме пахнет пирогами.
 В доме чисто вымыт пол.
 Я давно хожу кругами,
 Глядя искоса на стол.

Там укутан в покрывало
 Хлопотливый мамин труд.
 Уходя, она сказала:
 – Не таскайте,
 пусть дойдут...

Но какой же запах вкусный!
 И с самим собой в борьбе,
 Я тащу сестре – с капустой,
 С мясом – папе и себе...

Мама громко нас ругает,
 Отводя смешливый взгляд.
 Если пахнет пирогами –
 Значит, в доме мир и лад!

ВОСКРЕСЕНИЕ

Висели дома на высоких дымах –
 Отчаянно печи чадили в домах,
 И в каждой четвертой по счёту печи
 Румянили к Пасхе бока куличи.
 Клубился ванильный над крышами дух,
 Творились молитвы устами старух,
 И вздох колокольный летел до небес,
 И верили люди:
 Спаситель воскрес!..

МУЖИЦКИЙ РАЗУМ

Избу поставить – разом!
 Работа не за страх.
 Гудит мужицкий разум
 В мозолистых руках.

 На море и на суше
 В любых делах мастак.

Он даже бьёт баклуши,
Отнюдь не абы как.

Прочищен, водкой смазан,
Под кнут поставлен – ну!
Сопит мужицкий разум,
Прёт на себе страну.

РОДИНА

Дойдешь до чёрного столба,
Сверни направо:
Твоя здесь скорбная судьба,
Твоя держава.

Твой худо-бедный огород
В тени крапивы,
Тебя заждались у ворот,
Рыдая, ивы.

В лугах не кошена трава
Четыре срока.
А мать... а мать ещё жива,
Да одинока.

Ждёт обветшалая изба
Тебя так долго!
Сверни у чёрного столба –
Нет выше долга.

ХОЗЯЙКА ЯБЛОНЕВОГО САДА

Много яблок по деревне.
Только знают пацаны,
Что у бабушки Андревны –
Просто диво как вкусны!

И поэтому, наверно,
Успевает только треть
Урожая у Андревны
Окончательно созреть.

Шибко сердится Андревна –
Мол, коту под хвост труды,
Собирая на варенье
Уцелевшие плоды.

И который год, не знаю,
Всё страшает пацанву:
– Вот уж кого спымаю –
Ухи-т начисто сорву!..

А потом вздыхает глухо
И, беседуя со мной,
Говорит:
– Дурна старуха –
Нешто слопать всё одной?

2000

* * *

Родина любимей не становится
С добавленьем прожитых годов.
По моей судьбе промчалась конница –
Глубоки отметины подков.
Выбоины тотчас же наполнила
Светлая небесная слеза.
Сердце от рождения запомнило
Родины усталые глаза,
Спрятанную в сумерках околицу
И дымки лохматые над ней...
Родина любимей не становится,
Родина становится нужней.

2001

КУЗЬМИЧ

Картина ясная вполне:
Запасы соли, спичек, мыла...
Соседка мрачно пошутила:
– Кузьмич готовится к войне...

«Кузьмич готовится к войне...»
Смешно. Он три прошёл когда-то,
И нет надежнее солдата
Ни в той, ни в этой стороне.

Ни в той, ни в этой стороне
Не обходилась так судьбина
Ни с кем: сперва лишила сына,
Затем – поминки по жене...

Пять лет поминки по жене.
И зимы, что невыносимы.
И одиночеством гонимый,
Кузьмич бредёт, как в полусне.

Кузьмич бредёт, как в полусне,
Туда, где люди, к рынку ОРСа.
А как не купишь, коль припёрся,
То, что доступно по цене?

А что доступно по цене?
Конечно, спички, соль и мыло...
Кузьмич соседке, что шутила,
Отдаст всё это по весне.

Я не знаю,
Много ль мне от жизни надо.
Жаловаться, вроде бы, и грех:
Есть жильё – и то уже отрада,
В нём живёт прозрачный детский смех.

2001

Линялый август...
Встать до солнца,
Когда ещё в ознобе сад,
И пересуды у колодца
Вчерашние ещё висят;
Набросив – так, на всякий случай –
На плечи дедовский бушлат,
Хрустя антоновкой пахучей,
Пробраться мимо спящих хат
За край села, где по-над лугом
Туман раскинулся ковром;
Брести в нём, влажном и упругом,
На колокольчики коров;
Ступить в дымящуюся реку
И плыть заре наперерез...
Каких же нужно человеку,
Помимо этого, чудес?

2002

Кажется, я не умру никогда...
Речка дымится над вспаханным полем.
Вслед отступающим страхам и болям
Смотрит насмешливо с неба звезда.

Ей говорю: «Не меня сохрани,
Но береги без конца, год за годом

В нём живут падения и взлёты,
Радость – другу, ненависть – врагу,
Разные по тяжести заботы, –
Бременем назвать их не могу.
Каждый новый день запоминая,
Я не тороплюсь судьбу прочесть.
Много ли мне надо? Я не знаю.
Может, то, что было и что есть.

АДУЖЕДАН

Линялый август...
Встать до солнца,
Когда ещё в ознобе сад,
И пересуды у колодца
Вчерашние ещё висят;
Набросив – так, на всякий случай –
На плечи дедовский бушлат,
Хрустя антоновкой пахучей,
Пробраться мимо спящих хат
За край села, где по-над лугом
Туман раскинулся ковром;
Брести в нём, влажном и упругом,
На колокольчики коров;
Ступить в дымящуюся реку
И плыть заре наперерез...
Каких же нужно человеку,
Помимо этого, чудес?

Кажется, я не умру никогда...
Речка дымится над вспаханным полем.
Вслед отступающим страхам и болям
Смотрит насмешливо с неба звезда.

Ей говорю: «Не меня сохрани,
Но береги без конца, год за годом

Тех, кто с моим невесёлым уходом
Могут пред миром остаться одни...»

Сорванный лист устремлён в никуда –
То ли падение, то ли паренье.
Дочка вишнёвое варит варенье...
Кажется, я не умру никогда.

2003

НАДЕЖДА

Эпоха – где уж бесшабашней!
В такой не всякий ко двору.
Стою насквозь позавчерашний
на злом сегодняшнем ветру.

Холодный ветер, чёрный, бранный
и... он бессилён.

Я держусь
За жизнь одной мыслишкой странной:
а вдруг да завтра пригожусь?

2004

КРУЖОК

– Что слышно в мире нового?
– Там всё старо, как мир...
Вооружась эндовами,
Хлебаем эликсир.

Ведь мы друзья-сподвижники
И, не страшась интриг,
Свои клепаем виршики,
Хваля себя самих.

Забыты муки творчества –
Компания тепла...
А нового так хочется,
Как пива с похмела!

2005

КОЛЕСО

Колесо по дороге катилось,
На ухабах стираясь до дыр.

В нём усталая белка крутилась –
Приводила в движение мир.

Ах, как бешено спицы сверкали!
Мир раскрученный мнился иным.
Колесу мы кричали в запале:
– Ну, давай!..
И летели за ним...

Пронеслось, прозвенело, умчалось
В даль далёкую, за окоём.
Только пыль на дороге осталась,
В нас – инерция. Так и живём.

Так живём, одурманены снами,
В переулках уютных квартир.

Колесо догнывает в канаве.
Белка сдохла. Но крутится мир!

2007

Я вижу свет,
Я слышу звук,
Не напрягая слух и зреньё.
Весь мир с момента сотворенья
Не миновал вот этих рук,
Не пощадил вот этих плеч,
В которых вечная усталость.
А всем, что спелось и сказалось,
Теперь уже не пренебречь.
Но, претерпевши столько мук
И до конца отдавши силы,
С восторгом крикну из могилы:
– Я видел свет!

Я слышал звук!..

2007